

Введение

ТЕОРИЯ RES PUBLICA И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: РОЛЬ ВЕЩЕЙ И РОЛЬ ПУБЛИКИ

Олег Хархордин

Социология вещей во многом связана с появлением в конце XX века широкой междисциплинарной программы исследований науки и техники — с тем, что часто схватывается аббревиатурой STS (и дешифруется лидерами этого научного направления как *science and technology studies*, или *science, technology and society*). Одна из версий STS — акторно-сетевая теория, основными авторами которой считаются Бруно Латур и Мишель Каллон, — вообще попыталась изменить традиционные взгляды политологов и социологов [Law and Hassard 1999; Latour 2005a]. Эта теория утверждала, что запутанный клубок современных социотехнических проблем очень трудно разделить на социальные и технические элементы. Дело в том, что сегодня политика воплощена в самом устройстве технологий: например, политические решения начала XX века повлияли на организацию промышленной инфраструктуры (см. ставший классическим анализ развития электроэнергетики в США и Западной Европе [Hughes 1983]) или городского пространства Нью-Йорка [Winner 1986], а недавние политические предпочтения встроены в дизайн новых информационных технологий, в том числе используемых ежедневно на международных рынках [Oudshoorn and Pinch 2005; Knorr-Cetina and Grimpe 2008]. Кроме того, если учесть все время, которое затрачивается на обсуждение центральных научно-технических проблем (как следствие бурного развития геной инженерии и других новых биотехнологий, возникновения новых форм эпидемий и эпизоотий, проблем озоновой дыры и глобального потепления [Латур 2006: 59–60]), то становится очевидным, что казавшиеся раньше чисто научными или техническими вопросы составляют немалую часть забот современных политиков¹.

¹ В этом свете кажется, что вызовом для политической науки в XXI веке становится не столько анализ российского авторитаризма, который изучался большинством ученых,

Центральное новшество акторно-сетевой теории — это реконцептуализация переплетения людей и вещей в современном мире. Латур и Каллон утверждали, что традиционные социальные науки, сконцентрировавшие почти все свое внимание на людях, не замечали принципиальной значимости вещей, так как считали, что вещи — это либо просто пассивные инструменты в руках человека, либо, наоборот, приписывали им в разных версиях технологического детерминизма роль активных агентов, которые вызывают изменения в обществе. Однако данная пара категорий — пассивный инструмент или активный агент — оказывается не подходящей для анализа того, как ведут себя «вещные» элементы современной технонауки, основанной на дорогой и громоздкой аппаратуре и протяженных сетях товарных обменов и коммуникаций, а также на кооперации или конкуренции между лабораториями [см.: Вахштайн 2006; Латур 2006; см. похожий тезис про вещи в истории: Ло 2006]. Поэтому авторы акторно-сетевой теории пытались найти другую базовую метафору для описания переплетения, или слияния, клубка действий или недифференцированного единства современной технонауки, из которого наше сознание путем аналитических операций вырезает человека и не-человека. Делезовское понятие *pli*, складки, или сгиба, казалось особенно продуктивным в этом отношении, хотя и очень сложным для операционализации в эмпирических исследованиях [Волков и Хархордин 2008: глава 15].

Несколько раз для описания такого рода переплетения вещественных и невещественных элементов социального действия Бруно Латур предлагал использовать латинский термин *res publica*, так как он отсылает как к *res* — материальным вещам или осязаемым делам, — так и к *publica*, что указывает на невещественные публичные или политические аспекты действия. Летом 2005 года в музее мультимедийного искусства в Карлсруэ была даже проведена экспериментальная выставка под названием *Making Things*

а проблема разваливающейся инфраструктуры, которую не ремонтировали по 15–20 лет и которая потому превратила Россию в громадную экспериментальную площадку для проверки концепций STS. Учитывая, что данное направление исследований обычно анализировало прогресс науки и техники, а не деволюцию или регресс, российская реальность ставит неожиданный для него вопрос: на какой стадии инфраструктурного упадка современное урбанизированное сообщество начинает распадаться на части и как и в какой форме оно сможет быть снова реинтегрировано?

Public («Делая вещи публичными»). На выставке был представлен разнообразнейший набор попыток реконцептуализировать или поставить под вопрос два центральных термина, из которых складывается понятие *res publica*, хотя делалось это в большинстве случаев эстетическим, а не строго научным способом. Результатом выставки стала публикация книги объемом более 1000 страниц [Latour and Weibel 2005], — которую можно было бы назвать антикнигой, потому что ее, наверное, никто не читал полностью, кроме ее составителей. Во введение к этой книге Латур пишет:

По странной причине политические науки немеют именно в тот момент, когда объекты человеческих забот должны быть поставлены на всеобщее обозрение и выслушаны. Вопреки тому, что мощно предполагала бы этимология их наиболее знаменитого термина, *res publica* политологов, похоже, совсем не нагружена вещами [Latour 2005b: 16].

Наша книга попытается развить это замечание Латура, но не эстетическими средствами (как это сделала выставка 2005 года), а посредством научного анализа. Во-первых, мы систематично исследуем те перемены, с которыми могут столкнуться политические и социальные науки, если им придется уделить серьезное внимание *res* — реальным материальным объектам, которые связывают людей в ежедневной политической деятельности, т. е. являются как площадками, так и поводом для этой деятельности, а иногда даже и описываются людьми как реальные и активные агенты взаимодействия². Во-вторых, мы попытаемся исправить некоторые недостатки акторно-сетевой теории тем, что в описаниях проблем, с которыми сталкиваются современные наука и техника, уделим достойное внимание не только первому, но и второму компоненту термина *res publica*, т. е. *publica*. Иными словами, двухтысячелетняя история обсуждений и дебатов о *res publica* поможет нам по-другому взглянуть на проблемы нынешней технауки и дисциплины под названием STS.

² Каждый, кто ругался на компьютер, только что вдруг погасший и унесший с собой кусок несохраненного текста, или на машину, сломавшуюся в самый неподходящий момент, или наблюдавший то, как относятся ученые в лабораториях к своим приборам и приборам, знаком с этой антропоморфизацией вещей.

Наша книга преследует две параллельные цели. Во-первых, показать, что вещи весомы и значимы для любого политического или социального действия, и именно этот вес придает устойчивость и значимость политическим и социальным институтам. Например, при анализе проблемы коллективного действия с позиций традиционной концепции Манкура Олсона [Olson 1965] следует обратить внимание и на материальные объекты. Олсон поднял классический вопрос о мотивах участия в коллективном действии: действительно, зачем платить профсоюзные взносы и ходить на забастовки, если профсоюз в любом случае будет функционировать и без тебя и добьется результатов и без твоего вклада в общее дело? Для каждого отдельного эгоистичного индивида участие в профсоюзной деятельности нерационально. Понятно, конечно, что если все выберут такую стратегию, то от профсоюза ничего не останется. Поэтому успешные примеры коллективного действия объясняются либо малым размером группы, в которой эффективно используется внутригрупповое давление на индивида и угроза применения санкций за неподдержку профсоюза, либо — в случае больших групп, где подобные методы практиковать сложно, — использованием религиозных или идеологических методов побуждения к участию в жизни группы. Недавние попытки улучшить классический аргумент Олсона рассматривали не только негативные или позитивные стимулы участия в коллективном действии, но и изучали спонтанно возникающие стратегии кооперации внутри группы. Кроме этого, иногда проводятся чисто психологические эксперименты, придуманные, чтобы объяснить причины успешного коллективного действия даже при реальной угрозе того, что многие члены группы могут выйти из игры. Подобные модели и интерпретации, однако, не дают нам исчерпывающей картины и выглядят достаточно выдохшимися на сегодняшний день (подробный анализ этих недавних дебатов и экспериментов см. в [Ostrom 1998]).

Но простые физические предметы могли бы помочь перефокусировать современные дебаты о коллективном действии, хотя бы потому, что материальные объекты часто так связывают людей, что у тех не остается почти никаких шансов избежать участия в общем деле. Много ярких примеров на эту тему дает нам история кризиса коммунальной инфраструктуры в России 2000-х годов.

Действительно, когда при -40°C на улице в квартире замерзают батареи, сидеть дома с больными детьми и ждать, пока кто-то другой добьется от мэра или Росстроя срочного ремонта и восстановления теплоснабжения, не кажется оптимальной стратегией. Иными словами, политологию в стиле Манкура Олсона надо подкорректировать с помощью некоторых тезисов акторно-сетевой теории в стиле Бруно Латура. А феноменологическая и социально-конструктивистская парадигмы, которые опираются во многом на концепцию социального действия по Максус Веберу — как ориентированному прежде всего на интерпретацию его другим, — должны быть подкорректированы с помощью модели, где роль материальных объектов так же важна, как и роль прочтения или понимания действия другого. Если этого не сделать, то многие нынешние социологические концепции так и будут представлять общество как бы по модели бани: акторы здесь рисуются как голые сознания, между которыми и у которых нет никаких вещей, а все, чем эти акторы занимаются, — производят интерпретации и реинтерпретации осмысленного поведения других акторов.

Вторая цель нашей книги заключается в том, чтобы показать — публика тоже важна, но не только так, как мы привыкли это понимать. Если с помощью акторно-сетевого анализа можно попытаться усовершенствовать традиционные политические и социальные науки, то аналогичным образом можно усовершенствовать и ныне популярные исследования науки и техники (STS) с помощью внимания к публикам, которые задействованы в научно-технических контроверзах и конфликтах. А то, как по-разному может быть связана с вещами, нам демонстрирует классическая традиция дискурса о *res publica*, размышляющая об этом уже более двух тысяч лет. Например, исследования социотехнических сетей у Латура основаны главным образом на трудах по философии естественных наук — начиная от Декарта и Лейбница и заканчивая Башлярмом и Серром. В результате Латур и его школа обходят вниманием классические фигуры в политической философии, писавшие о *res publica*, — от Цицерона и Макиавелли до авторов современной республиканской традиции [см., например: Манен 2008; Скиннер 2006; Pettit 1997]. Конечно, на первый взгляд кажется, что классическая республиканская традиция прежде всего была заинтересована в обсуждении различных форм политических институтов,

но внимательное чтение текстов дает возможность убедиться, что зачастую авторы рассматривают и *res publicae* — именно во множественном числе, — т. е. те общие вещи и публичные дела по их поводу, которые поднимают простое скопление народа до уровня публики и публичной политики. Таким образом, определенные упущения в акторно-сетевом анализе можно будет исправить, если дополнить Латура некоторыми деталями аргументов Цицерона и Макиавелли и соотносением этих деталей с латурианским анализом технополитических сетей.

Следует сразу уточнить: целью нашей книги не является доказательство утверждения, что вещи тоже могут рассматриваться как действующие лица в социальных и политических ситуациях, как не является целью и доказать, что политика и публика играют самую центральную роль в современных научных и технических проектах. Акторно-сетевая теория постоянно подчеркивает, что согласованная система действий, коей является любая сложная социотехническая сеть, — это результат координации и перераспределения между различными действующими силами того, что потом представляется как человеческие способности к действию и как противостоящие им чисто вещные, предметные свойства нечеловеков [Latour 1999]. Представленное исследование, в частности, пыталось продемонстрировать, как происходила «пересборка» социотехнической сети под названием «современный город» — т. е. как были по-новому перераспределены потенциалы действий, которыми наделялись люди и нечеловеки, и как в результате этого перераспределения оказались по-новому скоординированы человеческие действия и вещные элементы во время перестройки коммунальных систем города Череповца. Конечно, глаз прежде всего склонен замечать радикальный обмен свойствами между людьми и вещами — например, когда люди рассматриваются не как самостоятельные субъекты, а как послушные объекты воздействия в управленческих проектах местной администрации, т. е. почти как вещи; или когда в описаниях поведения коммунальных систем нечеловеки начинают вести себя как капризные люди на грани нервного срыва (а ремонтные службы, выезжающие на авралы и аварии, именно так и интерпретируют рычащие и булькающие трубы). Однако для исследования важны не эти привычные и потому достаточно надоевшие операции по превращению людей в объекты

и по субъективации (антропоморфизации, или наделению человеческими качествами) физических вещей. Реальное переупорядочение способностей к действию внутри социотехнической сети намного интереснее, поскольку оно выходит за рамки обычной дихотомии между объективацией людей или субъективацией вещей. Такие случаи переупорядочения старых и появления новых способностей к действию становятся заметными, среди прочего, в малых конфликтах по поводу новых больших артефактов: например, в процессе обсуждений — вкладывать ли городские деньги в системы ультрафиолетовой очистки воды или ставить установки по озонированию. Или, к примеру, когда в социотехнической сети под названием «город» вдруг появляются новые инстанции компетенций и действия, такие как единая квитанция на оплату коммунальных услуг, единая диспетчерская служба или электронная карта инженерных коммуникаций города. Мы рассмотрим все эти случаи.

Данная книга основана на результатах исследовательского проекта «Самоуправляющиеся ассоциации на северо-западе России: общие вещи как основание *res publica*», проводившегося в 2004–2007 годы при поддержке Академии Финляндии и фонда «Династия». В ходе проекта было собрано большое количество эмпирических данных о реформах в отношении общих вещей в России, — таких как многоквартирный дом, двор или город, — т. е. вещей, способных в потенциале стать основой самоуправляющихся сообществ. Основные полевые работы были проведены в течение 2005–2006 годов в городах Череповец и Санкт-Петербург, где авторы книги изучали проблемы тепловых и водопроводных сетей в период реформы городской инфраструктуры, а также проблемы развития товариществ собственников жилья (ТСЖ)³.

³ Надо отметить особый стиль совместной работы при реализации этого исследования. Материалы, собранные в полевом исследовании, были либо сканированы (если это были напечатанные документы или вырезки из газет), либо транскрибированы (интервью, взятые в Череповце и Санкт-Петербурге). Потом они все загружались в специально созданный раздел сайта в университете Хельсинки, к которому у исследователей был доступ через пароль, поэтому все могли прочесть загруженные материалы. Затем проводилось обсуждение этих материалов — во время регулярных встреч лицом к лицу, которые происходили 2–3 раза в год в Санкт-Петербурге или Хельсинки попеременно, или по электронной почте. По результатам обсуждений писались тексты (каждым участником — по своей части работы), которые тоже загружались на общий сайт. Обсуждения

Учитывая то, что в традиционной экономической литературе коммунальные услуги рассматриваются либо как примеры *public goods* (или, как принято сегодня переводить данный термин в российских социальных науках, публичных, или общественных, благ), либо как примеры *common goods* (общих благ), мы уделили особое внимание тому, как связать эти экономические категории — во-первых, с терминами акторно-сетевого анализа Латура и Каллона и, во-вторых, с классической теорией *res publica*. Эти вопросы рассматриваются в первой части нашей книги, в главах Ристо Алапу-ро и Ольги Бычковой. Затем следует анализ исследовательских кейсов. Так, в третьей главе Ольга Бычкова и Евгения Попова представили анализ перемен в коммунальном хозяйстве в современном российском городе. Эта глава опирается в основном на интервью, проведенные с персоналом коммунальных предприятий и менеджерами департамента ЖКХ мэрии в Череповце. Глава Ольги Калачевой рассматривает ситуацию в том же самом городе, но как бы с противоположной стороны — так как основывается на интервью с потребителями коммунальных услуг. Мы также изучали изменения в режиме владения общими ресурсами (*common goods*), которые произошли в России после принятия Жилищного кодекса в 2005 году, и проанализировали, каким образом данные изменения повлияли на практики взаимодействия и кооперации среди владельцев квартир в ТСЖ. Это описано в главе Росы Вихавайнен⁴. Кроме того, мы сравнили режимы функционирования общих вещей на различных уровнях — на уровне города и на уровне отдельного ТСЖ (т. е. двора с домами или просто отдельного мно-

шли на базе общего методологического текста о техниках латурианского исследования, который был специально написан мною для самого первого обсуждения, — отсюда и необходимость включить в эту вводную главу секцию про Латура, во многом воспроизводящую этот текст. Он послужил общей точкой референции для всех авторов данной книги, а для некоторых из них, возможно, и средством разбудить социологическое воображение. И хотя этот текст и был исходной точкой дебатов, далее он использовался каждым исследователем исключительно по мере необходимости — не более того. Иными словами, это был общий инструмент, которым одни пользовались больше, чем другие, и ни в коем случае не был доктринальным руководством, которому надо было следовать. Все эти достаточно сырые общие вещи послужили всего лишь зачатком того, что, как надеялись авторы, из них могло вырасти — т. е. площадкой для создания книги, феномена совсем другого уровня.

⁴ Исследования ТСЖ проводились в основном в Санкт-Петербурге, поскольку на момент реализации проекта в Череповце было зарегистрировано лишь небольшое количество ТСЖ.

гоквартирного дома). Заключение книги намечает наиболее значимые контрасты между этими уровнями и тем самым подводит общие итоги проведенного исследования.

Несмотря на сложности в полевой работе (первоначальный уровень отказов в проведении интервью с муниципальными чиновниками в Череповце составлял чуть ли не 70 %) ⁵, авторы книги собрали огромное количество данных. Интерпретируя их, мы пытались сохранить формулировки самих респондентов и документов и, прежде всего, бережно передать, как они описывали язык вещей. Полученные данные также позволили сконцентрировать наше внимание на новых аналитических категориях. Конечно, современная экономическая литература довольно точно описывает многие эмпирические случаи, в частности разницу между публичными благами (*public goods*) и благами общими (*common goods*). И, основываясь на двух критериях конкурентности и исключаемости в потреблении, можно было и в нашем исследовании увидеть всю традиционную классификацию благ, распадающихся на частные (*private*), общие (*common*), клубные (*club*) и публичные (*public*). Однако, когда наше исследование столкнулось с описанием немногих случаев мобилизации городской публики, язык респондентов подсказал новый для нас контраст между общим и публичным, который был ближе к классической римской теории *res publica*, чем к концепциям неоклассической экономики. Я вернусь к этому контрасту немного позже.

Второй значимый контраст, который мы обнаружили в ходе исследования, — это контраст между тем, находится ли данная вещь или благо в режиме пользования (лишь в режиме пользования!) или в режиме полной собственности. Например, в экономической литературе, анализирующей ресурсы общего пользования (*common pool resources*), блага представляются как предполагающие прежде всего, или только, их потребление — отсюда все связанные с этим примеры «трагедии общин», когда эгоистичные пользователи могут разрушить своими стадами общие альпийские луга или выловить своими сейнерами почти всю рыбу в определенной морской акватории [Остром 2010]. Однако в нашем проекте мы постоянно сталкивались с вещами, которые были ближе

⁵ Я вернусь к размышлениям по поводу данной ситуации в заключении к этой книге.

к римской категории *res*. Такие вещи предполагали не только пользование ими, но и наличие всех прав на них, которые подразумевает режим полной собственности — т. е. *usus, fructus, abusus* — пользование, распоряжение и отчуждение (см. анализ этих римских терминов в применении к современности в [Schlager and Ostrom 1992], где анализируются эти и другие *bundles of rights*, связки, или охапки, прав). Поэтому мы попытаемся в своей книге оценить значение этого контраста между просто использованием и полной собственностью для теории *res publica*.

Далее во введении я попытаюсь: 1) прояснить специфику исследовательского подхода Бруно Латура (с обсуждения которого мы начали свое исследование); 2) более подробно прокомментировать те ключевые новые категории, которые неожиданно предложили себя нашему вниманию во время исследования; 3) представить общий набросок аргумента о теории *res publica*.

НАУКА И ТЕХНИКА ПО ЛАТУРУ И ЕГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНИКИ⁶

О каком-либо одном стандартном методе Латура говорить сложно. В течение своей карьеры он претендовал на то, что занимается то социологией, то антропологией, то философией. Для обозначения того, что он делает, Латур также часто использовал термин «акторно-сетевая теория», но адекватность этого термина он то признавал, то отвергал⁷. Поэтому будет точнее говорить о латурианском наборе исследовательских методик, которые объединены общим стилем и с помощью которых изучают повседневные практики и сложные сети современной технонауки. Однако даже в этом наборе можно — для начального понимания — выделить определенные ключевые вопросы и категории. Поэтому я рассмотрю некоторые ключевые проблемы метода и затем остановлюсь на тех категориях Латура, которые, как казалось, особенно подходили для наших исследовательских кейсов.

⁶ Подробный анализ см. в [Хархордин 2006].

⁷ В статье 1999 года Латур заявил, что в ужасном термине «акторно-сетевая теория» все 4 его составляющие работают неправильно: слова «актор», «сеть», «теория» и даже дефис! Через 6 лет он извинился перед читателями и снова стал утверждать обратное [Latour 2005a: 9].